21 ЯНВ 1975
«СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА»
МОСКВА

ОТЧУЖДЕНИЕ ЗРИТЕЛЯ

КАК ОНО ПРЕОДОЛЕВАЕТСЯ В НОВГОРОДСКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ из Новгорода сообщал: «И вот пришел очередной директор... Убедительные успехи театра, улучшение его работы стали радовать людей. Но именно в это время в управлении культуры почему-то снова заговорили о замене директора театра. Странно. Претензий высказано не было. Да их, собственно, нелегко было найти — работа театра говорила совершенно о другом...»

О чем же? Надо полагать — о высоком творческом настрое коллектива, о его спектаклях, берущих зрителей в полон... Десять дней провел я в Новгороде. Встречи с актерами, административным и художественным руководством театра, представителями профсоюза, ВТО, партийного комитета и, наконец, беседы в управлении культуры облисполкома и в обкоме партии — все ради того, чтобы узнать истину. Хотелось воссоздать минувшее, понять, как и чем живет коллектив театра сегодня.

И, увы, убедился в том, что прошедший сезон был весьма неблагополучен, а день сегодняшний тревожен и очень труден.

А как же успехи — «убедительные успехи театра, радующие людей»? Ведь доброжелатель уверяет: «За факты, изложенные в материале, ручаюсь — они неоспоримы. Выводы, разумеется, объективны». «Разумеется...» Как много может сказать только одно слово!..

Так как же в действительности жил театр в недалеком прошлом? Или, быть может, благоразумнее не бередить его: что прошло, то минуло? Если бы!.. Прошлое живет в дне сегодняшнем, они взаимосвязаны. И потому вернемся в недалекое прошлое.

Если в течение года в Новгородском драмтеатре сменились три директора, то его главный режиссер проработал что-то около четырех лет. Но такая, с позволения сказать, «стабильность» художественного руководства — увы! — не принесла стабильного успеха. Об отдельных же редких удачах говорить сейчас, пожалуй, не стоит, так как они ни в коей мере не возмещают утрат. А они велики. Искусство, низведенное до холодного ремесленничества, всегда влечет за собой самое страшное для театра — отчуждение зрителя. День ото дня, год от года, все нарастая, отчуждение вставало между театром и населением наподобие глухой стены. Многие спектакли отменялись. Вот взятый наугад апрель прошлого года: семнадцатого отменены «Родственники», восемнадцатого — «Тети и дяди», третий премьерный спектакль, девятнадцатого — «Средняя американка», двадцать четвертого — «Родственники», двадцать пятого — «Когда любишь», двадцать восьмого — «Родственники»...

Печален перечень несостоявшихся спектаклей, но, право же, куда печальнее находиться в пустом зале и в числе немногих зрителей убеждаться в пустоте сценического действа, не затрагивающего ни души, ни сердца.

Новгородцы утверждают, что их разочарование в своем театре, неверие в его творческое возрождение нагнеталось, накапливалось с давних пор, еще до прихода М. Богатыревой — четвертого главрежа за последние десять лет. Первой своей работой, спектаклем «Мое сердце с тобой» Ю. Чепурина, она хорошо заявила о себе как о постановщике. Спектакли шли с аншлагами. Но одно дело ставить «свой» спектакль, другое — осуществляя многотрудные функции главного режиссера, быть ответственным и за репертуарную политику театра, и за внутренний климат большого коллектива, и за его творческий настрой. Безответственность обещаний и уверений, а значит, и потеря принципиальности, штурмовщина после долгих простоев и как результат посредственность последующих работ — все это привело к неизбежной потере личного авторитета главрежа, к упадку трудовой дисциплины, угасанию творческой активности коллектива. В искусстве нет, пожалуй, более разрушительной силы, чем апатия, равнодушие, поразившее художника.

С горечью говоря сейчас обо всем этом, я считаю необходимым высказать серьезные упреки и художественному совету театра за необъективность его оценок и суждений, а критикам местной периодической печати — за их панибратскую снисходительность. Откуда эта «доброта», граничащая с безответственностью? Доброта за чужой счет, доброта, приносящая беды. Она способствовала утрате всех творческих начал, которыми только и жив театральный коллектив. Да что там говорить — в Новгородском театре не было даже элементарнейшего рабочего расписания на день...

Чрезмерное долготерпение к такому положению дел проявляли, к сожалению, в управлении культуры облисполкома и в отделе культуры обкома КПСС: зная о всех бедах театра, не принимали действенных мер, пока обстановка в нем не обострилась до предела.

Но обратимся вновь к свидетельству доброжелателя, сообщавшего в редакцию об «убедительных успехах» театра. Он пишет: «Со сменой руководства меняются планы, гибнут замыслы... Новое руководство театра слишком молодое, и в этом случае его представители значительно быстрее могут допустить просчеты и ошибки: директор — практически начинающий, что касается исполняющего обязанности главного режиссера А. Кошелева — выпускника 1974 года Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, то он, видимо, как и всякий молодой специалист, не лишен самоуверенности».

Вот так «меняются планы, гибнут замыслы». И беспросветный прогноз на будущее...

Да, действительно, в театре все делается заново. Директор Владимир Иванович Шиманский, — кстати, совсем не «начинающий»: бывший актер, а затем директор Уральского областного театра, и Анатолий Леонидович Кошелев пошли прямо-таки на отчаянный шаг. Почти полностью отказались от репертуарного «наследства»: так слабы, а порой и примитивны в художественном отношении были спектакли. Из них сняты тринадцать (!), оставлены только три.

— Сознавая всю трудность положения, мы, однако, не могли поступить иначе, — говорил мне Владимир Иванович. — Вернуть новгородцев в свой театр, заслужить их признание... Сложно, очень сложно! К каждой новой своей работе мы должны теперь подходить с особой мерой взыскательности...

Это, конечно, трудно. Но из четырех спектаклей, которые успели поставить с начала сезона новгородцы, три, несомненно, удачны: «Бумбараш» В. Митько по мотивам произведений А. Гайдара, «В наше время» по новеллам зарубежных авторов и комедия-сказка В. Шульжика «По секрету всему свету». «Бумбараша» и сказку В. Шульжика поставил Анатолий Кошелев. Новеллы же выпущены в свободное от спектаклей и основных репетиции время. А. Кошелев и дипломанты Ленинградского института театра, музыки и кинематографии В. Ерошин и М. Богин, исполняющие обязанности очередных режиссеров, подготовили силами молодых актеров при участии заслуженной артистки РСФСР Л. Коликовой своеобразный альманах одноактных пьес.

«Бумбараш», «Без вины виноватые», «В наше время», «По секрету всему свету»... Не все равноценно в этом перечне, сказываются и просчеты в распределении ролей, нехватка и репетиционного времени, и опыта у молодых постановщиков и исполнителей. Я неоднократно смотрел спектакли, прислушивался к реакции зала и ощущал главное - зритель понимает, принимает все происходящее на сцене, и он не разочарован, он доволен, что пришел в свой театр.

— Почему «Бумбараша»? Почему «По секрету...»? А. Кошелев как бы отвечал на мои мысли. — Спектакли рассчитаны и на взрослых. Но у нас и другая, очень важная задача — прививать любовь к театру будущему нашему взрослому зрителю, сегодняшним школьникам...

С «Прощанием в июне» А. Вампилова вышел на площадку В. Ерошин, работает над инсценировкой Б. Васильева по его же роману «Не стреляйте в белых лебедей» М. Богин, «В списках не значился» того же автора поставит к тридцатилетию Победы А. Кошелев. Ведется поиск пьесы о рабочем классе.

— К такой теме нельзя подходить непродуманно, — говорит А. Кошелев. — Жизнь многосложна, но ее-то и не было в «Сталеварах» из прежнего репертуара. Вынуждены были снять спектакль после седьмого раза.

Слушая А. Кошелева, я вспомнил слова, сказанные одним из новгородских актеров о здешних «Сталеварах» и «Человеке со стороны»: совершенно не схожие по драматургической сути своей, они были словно близнецы с непрерывно декларируемой «принципиальностью» и громко, категорично звучащими голосами. А под этой «принципиальностью» и громкостью — пустота.

Главное, что объединяет сегодня коллектив, — неприятие, протест против такой «сценической пустоты». Именно по этой причине и были исключены из репертуара почти все ранее поставленные спектакли.

И тут я хочу поговорить о том, что больше всего встревожило меня в Новгородском театре, о том беспокойстве, которое я увез с собой и которое не оставляет меня.

В известном уже нам письме доброжелатель, рассказывая о том, как прошло в театре отчетно-выборное партийное собрание, ссылаясь на одного из выступавших, такими словами характеризует сегодняшнее положение в коллективе: «Атмосфера... наполнена сейчас какой-то боязнью, каким-то страхом за завтрашний день; она без дружелюбия, без взаимного уважения...» Далее он добавляет: «Не поняв критики и доброжелательности выступавших, тов. Шиманский после партийного собрания в беседах с актерами не обходится без резких тонов и больших намеков...»

Если принять все это за истину, то откуда недружелюбие, откуда какая-то боязнь?.. Да, художественное руководство коллективом молодо. Не породило ли это и в самом деле раскола между молодым и старшим поколениями актеров? Но в четырех спектаклях, поставленных с начала сезона, заняты по мере надобности актеры всех возрастов. Иначе и быть не может. И вся работа — большая работа! — еще впереди. Так в чем же дело? В ущемленном самолюбии старших, оказавшихся под началом «студентов», один за другим защищающих здесь свои дипломы?.. Или нечто другое, не столь «типичное»? Проявление нетактичности, не очень приметной, но ранящей? Такое, конечно, возможно, что само по себе досадно, но излечимо.

Я говорю обо всем этом с секретарем партийного бюро Петром Васильевичем Диденко. У него нет никаких сомнений в искренности творческих устремлений молодых режиссеров. И он высказывает бесспорное: право на художественное руководство коллективом им еще предстоит доказать своими работами... Я говорю с председателем месткома, актером Ю. Никандровым, которого, конечно же, нельзя назвать молодым актером, с Т. Усачевой, не один год работающей в Новгородском театре... Да, вполне возможно, что у А. Кошелева, исполняющего обязанности главного режиссера, порой недостает такта в разговоре с актерами, которые значительно старше его по возрасту, — это, я уверен, от ненажитого житейского опыта, но это и от стремления отстоять свою точку зрения: ведь быть старшим — далеко не всегда быть и непременно правым. Только тут важно и такое: режиссер должен уметь чувствовать творческую природу каждого актера, больше ему доверять.

Резкость директора театра В. Шиманского?.. Я вкратце изложу мнение на этот счет Ю. Никандрова.

Восстанавливая вконец разболтанную дисциплину, В. Шиманский всегда опирается на местком. Да, он решителен в своих действиях. Вот вам, к примеру, ситуация: в «Бумбараше», открывающем сезон, артист С. Гордеев исполняет главную роль и... пьет, грозя каждый раз сорвать спектакль. И в конце концов делает это. Директор, прекрасно понимая невероятную сложность положения, однако настаивает на увольнении С. Гордеева. И только что поставленный спектакль, так хорошо принятый новгородцами, «замораживается» на неопределенный срок: в театре пока нет равноценной замены выбывшему исполнителю заглавной роли...

Что это — «жестокость и диктаторство» или высокая принципиальность, без которой немыслим здоровый климат, необходимый любому творческому коллективу? Актер самовольно меняет по ходу спектакля мизансцену и умышленно наговаривает не существующий в роли текст. Ему объявляют выговор. Что это — «диктаторство» или борьба за элементарнейшую трудовую дисциплину?

Наблюдая за работой В. Шиманского и А. Кошелева, слушая их суждения о театре, знакомясь с планами, я убедился в полном взаимопонимании директора и главрежа. Счастливое взаимопонимание единомышленников, которого порой недостает в других театрах. У них одни устремления, одни пути к достижению цели: добиться высокого художественного звучания каждого нового спектакля. Преодолев таким образом многолетнее отчуждение, вернуть новгородцев в их родной театр. Для решения такой нелегкой задачи делается все возможное: во всех учебных заведениях проводятся творческие встречи, в школах созданы клубы любителей театра, актеры побывали на родительских собраниях почти всех школ, заключены своеобразные трудовые соглашения с пионервожатыми — так постепенно мобилизуется «подрастающий» зритель; все теснее становятся контакты театра с промышленными предприятиями города.

И еще одно, особенно важное, уяснил я, будучи в Новгороде: устремления нового руководства театра находят понимание и поддержку партийных и советских органов области и города. Только, мне думается, доброе свое расположение к театру следует подкреплять весомее. Театр нуждается в помощи: затянут ремонт здания, нет рекламных щитов на определенных уже точках городских магистралей, не решен жилищный вопрос, необходимо также более глубокое проникновение в сущность, нет-нет, да и возникающих конфликтов. Промедление, нерешительность, простое нежелание вмешиваться «во всякое» — все это, как правило, только усугубляет трудности, порой едва только возникающие. А коллектив театра... Здесь я повторю высказывание одного актера: «Коллектив готов к работе, и, конечно же, никакие «доброжелатели» и их союзники, если таковые окажутся, ему не помешают. Опыт старших и горячее стремление молодых должны привести к заветной цели: в Новгороде быть хорошему театру!» Быть вопреки злопыхательству, с каким писал в редакцию, выдавая желаемое за действительное, его бывший директор, — да, именно он, — выше поименованный мной «доброжелателем».

Г. КОЧЕТКОВ,
наш спец. корр.
НОВГОРОД.